

Историчность внешней политики ЕС: историко-культурные условия наднациональной субъектности

Даниил Александрович КУЗНЕЦОВ-БРУСНИКИН
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 29
kuznetsov7daniel@gmail.com

Актуальность. В отличие от национальной субъектности, европейская внешняя политика вполне исторична, то есть не мифологизируется и имеет хронологически различимое начало. Как тогда достигается свойственная субъектности непрерывность, если наднациональную внешнюю политику можно представить как ряд дискретных решений? Опираясь на то, что любая внешняя политика является локусом культурных отношений, были рассмотрены историко-культурные условия европейской субъектности на примере европейского кино.

Материалы и методы. Был сформулирован культурный метод исторического исследования; были выбраны материалы, которые беспроblemно относятся к европейской традиции кинематографа.

Результаты исследования. Были выделены некоторые условия наднациональной субъектности – прежде всего это трансформативный опыт, связанный с войной.

Выводы. Кино показывает, из чего сделана европейская внешняя политика помимо дискретных решений – этого не могут показать идеи и традиции, тогда как современные ей культурные формы позволяют открыть расположенность наднациональной субъектности в историко-культурной динамике XX века.

Ключевые слова: ОВПБ, наднациональная субъектность, культурный метод, постструктурализм, европейское кино

Для цитирования: Кузнецов-Брусникин Д.А. Историчность внешней политики ЕС: историко-культурные условия наднациональной субъектности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 4. С. 1010-1023. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-1010-1023>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-1010-1023>

Historicity of European Union foreign policy: historical and cultural conditions over national subjectivity

Daniil A. KUZNETSOV-BRUSNIKIN

Saint-Petersburg State University
29 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
kuznetsov7daniel@gmail.com

Importance. Unlike national subjectivity, European foreign policy is quite historical, that is, it is not mythologized and has a chronologically distinct beginning. How then is the continuity inherent in subjectivity achieved if supranational foreign policy can be represented as a series of discrete solutions? Based on the fact that any foreign policy is a locus of cultural relations, the historical and cultural conditions of European subjectivity were examined on the example of European cinema.

Materials and methods. A cultural method of historical research was formulated; materials were selected that seamlessly relate to the European tradition of cinema.

Results and Discussion. Some conditions of supranational subjectivity were highlighted – first of all, it is a transformative experience associated with war.

Conclusion. Cinema shows what European foreign policy is made of in addition to discrete solutions – ideas and traditions cannot show this, whereas modern cultural forms allow it to reveal the location of supranational subjectivity in the historical and cultural dynamics of the 20th century.

Keywords: Common Foreign and Security Policy, supranational subjectivity, cultural method, post-structuralism, European cinema

For citation: Kuznetsov-Brusnikin, D.A. (2023). Historicity of European Union foreign policy: historical and cultural conditions over national subjectivity. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 4, pp. 1010-1023. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-1010-1023>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В самом общем смысле историчность означает расположенность в истории. Сравните это с человеческой природой в классическом реализме в международных отношениях, которая мыслится безотносительно истории, как универсальная данность. Подход, который порывает с такой универсалистской эпистемологией, обычно называется пост-структурализмом или, более широко, постпозитивизмом. Проблемой этого подхода в определении историчности является то, что без какого-то находящегося над историей гаранта мы вынуждены довольствоваться тем, что само можно проблематизировать как историчное – наши представления, институты,

традиции, – что создает постоянную регрессию; либо же мы, как и реалисты, наделяем ту или иную движущую силу истории внешне-историчным статусом, что является исследовательским произволом – «[п]очему следует бороться, например, за права маргиналов, а не власть имущих?» [2, с. 194]. Тем не менее, когда мы не задумываемся об этом, то исторический статус определяем без проблем. У полета божьей коровки нет исторического смысла, у резолюции ООН – есть; даже отношение к истории таких сложных объектов, как нация или государство, обычно беспроblemно считается в высказываниях людей, даже если они никогда не ломали над этим голову. Школьники не протестуют, когда читают в учебниках по истории России про

Рюриковичей, чуть больше удивления может вызвать история СССР в эпоху феодализма. Что-то должно гарантировать изящную простоту этой имплицитной интеллектуальной операции.

Для большей части современного мира такой гарант обнаруживается в национальном мифе. Руководствуясь генетической преемственностью, где национальная принадлежность передается от сколь угодно удаленных предков, миф дает ощущение сопричастности великим делам прошлого, понимание места в полном таких же сообществах мире, и что самое главное: чувство времени, то есть соотносимость устремлений и страхов настоящего с памятью как корпусом непрерывного опыта существования нации. Такая преемственность является мерилем истории, создавая неделимую генетическую линию, относительно которой можно определить исторический статус: вот Древняя Греция, колыбель демократии, а вот – Греческая республика, современная демократия. Такое положение вещей создает направленность исторического процесса, определяемого развитием национальной общности, объединяемой со своим прошлым и будущим трансцендентальным моментом мифа. Направленность делает возможной субъектность. Международные отношения как пространство реализации этой субъектности являются при этом скорее областью постоянных рецидивов и повторений, областью без прогресса [22, р. 26]. Нет мифа о каких-то предках, оставивших нам нашу систему международных отношений, которую мы должны развивать в соответствии с их заветами. Теряется трансцендентальная непрерывность.

Однако есть такая форма, которая не похожа на миф, но в отличие от пространства дискретных международных событий обладает свойством субъективированной преемственности. Речь идет о внешней политике Европейского Союза (ЕС). Сейчас это, прежде всего, Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), прежде – Европейское политическое сотрудничество (ЕПС). Цель этого единственного в своем

роде проекта – говорить единым голосом на международной арене¹. Становление проекта можно четко проследить во времени, на основе конкретных решений европейских политиков и соответствующих документов – оно исторично на собственных условиях, само по себе, безотносительно аналитических усилий. Внешняя политика ЕС является единственной, у которой есть неудачные попытки: полностью наднациональные проекты Европейского оборонного сообщества (ЕОС) и (кон-) федеративного Европейского политического сотрудничества в 1950-х, оказавшиеся слишком амбициозными, а также межгосударственные планы Фуше в 1960-х, так и оставшиеся из-за межгосударственных же противоречий частью эпохи генерала Де Голля, главного антагониста европейской

¹ Вы можете найти «единый голос» как то, к чему Европа должна стремиться, уже в докладе Давиньона (1970), самом первом определившем работу ЕПС документе [20, р. 76]. Словосочетание встречается в дискурсе довольно часто: доклад Европейскому Совету об успехах ЕПС за 1977 г. говорит об «усиливающейся тенденции говорить одним голосом по поводу внешней политики» [20, р. 112], тем же «одним голосом» должна стремиться говорить Европа согласно преамбуле к Единому европейскому акту (1986) [20, р. 139], и даже в декларации Сен-Мало (1998), которая запустила сотрудничество в еще более чувствительной области безопасности и обороны, как о вкладе в Атлантический альянс говорится о том, чтобы «Европа могла сделать свой голос услышанным в мировых делах» [20, р. 243]. Видимо, к 2016 г. говорение само по себе перестало быть чем-то впечатляющим, и Глобальная стратегия по внешней политике и политике безопасности называется уже «Общее видение, совместное действие: более сильная Европа», хотя призывы к единому голосу, конечно, продолжают встречаться [e. g. European Parliament. The EU must speak with one voice on foreign policy. Plenary session press release [2022, February 17]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220210IPR23019/the-eu-must-speak-with-one-voice-on-foreign-policy> (accessed: 09.12.2022)]. Интересно, что Верховный представитель в этой области Жозеп Боррель задает голосу определенный тон: Европа «должна научиться языку силы» [European Parliament. Hearing of Josep Borrell, Vice-President-designate of the European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy (Verbatim Report. 2019, October 7). URL: <https://www.europarl.europa.eu/resources/library/media/20191008RES63704/20191008RES63704.pdf> (accessed: 15.03.2023). P. 6].

интеграции. Уходящего в глубокую древность мифа здесь нет, Европа не имеет той онтологической стабильности, какой миф наделяет наше национальное пространство: «Европа никогда не будет построена если с таким потенциально мощным инструментом для создания более тесных культурных связей, как телевидение, мы отдадим эту область другим, будь то американцы или японцы», сообщает Европейскому Парламенту в 1989 г. Жак Делор². Обратите внимание, «мы» все же действует, даже если Европа не построена, хотя «мы» в смысле «бельгийцы» без Бельгии как законченного корпуса «нашего» исторического опыта действовать не будет. «Европа» может не подразумевать *finalité*, не являться онтологически определенным, идеально завершенным проектом, сохраняя таким образом дискретность решений, не выстраивающихся во внеисторичную преемственность, однако это и не строго «документальная» субъектность: даже если, например, международная правосубъектность интеграционного проекта утверждена отдельной статьей Договора о ЕС в его лиссабонской редакции, то еще при разработке амстердамских поправок в 1995 г. отмечалось, что тот «факт, что Союз с правовой точки зрения не существует, является источником непонимания в третьих странах и снижает его внешнюю роль»³ – субъектность первична. Таким образом, мы можем говорить о субъектной автономии, которая не обладает свойственной для национальной субъектности квазиприродной необходимостью. Мы находим источник этой автономии в европейской послевоенной культуре и попробуем показать это на примере кино. Однако прежде дадим методологический очерк.

² CVCE. Address given by Jacques Delors to the European Parliament (1989, 17 January). URL: https://www.cvce.eu/obj/address_given_by_jacques_delors_to_the_european_parliament_17_january_1989-en-b9c06b95-db97-4774-a700-e8aea5172233.html (accessed: 09.12.2022).

³ European Parliament. Reflection Group's Report. Second Part: An Annotated Agenda [1995]. URL: https://www.europarl.europa.eu/enlargement/cu/agreements/reflex6_en.htm (accessed: 15.03.2023).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

«Мы не достигли объединенной Европы и получили войну», – заявил Робер Шуман в декларации, положившей начало проекту интеграции [20, р. 13]. Этот нарратив работает по-другому, нежели национальный миф: в национальном государстве мы несем ответственность перед предками – в европейском проекте все не так очевидно. Это похоже на немецкий миф, предписывающий полный разрыв с национал-социалистическим прошлым, однако европейский нарратив не обладает его линейностью: «теперь вам предстоит принять от поколения войны ответственность [за европейский проект]», говорит Жозеп Боррель своей юной собеседнице, предлагая ей самостоятельно определить это с проекта, но все же указывая на расположенную на фоне антивоенную картину Пикассо «Герника»⁴. Отношения между поколениями в европейском нарративе находятся на меньшем уровне абстракции, чем в привычном национальном мифе: речь идет о конкретных исторических событиях XX века, прежде всего о двух мировых войнах. Нечто похожее присутствует в российском национальном мифе, где судьба нации центрирована победой над «фашизмом», который имеет своим референтом расположенный в истории национал-социализм. Однако здесь отсутствует элемент преодоления прошлого и извлечения уроков: «мы» победили в войне абсолютное зло, которое было единственным условием и источником войны, соответственно «мы» как нация победителей зла не несем никакой ответственности за войну; европейский же нарратив отталкивается от понимания войны как трансформативного опыта, предписывающего активную роль в сохранении мира. В любом случае, коль речь идет о референции конкретных событий, кажется продуктивным исследовать именно менее абстрактный уровень культуры в по-

⁴ European Union External Action Service (EEAS). Europe Day 2021 [Video]. YouTube. 2021, May 10. URL: https://m.youtube.com/watch?reload=9&v=c5GbfX4BSqE&feature=emb_title (accessed: 01.12.2022).

исках субъектообразующего для европейского проекта опыта, а так как нарратив нелинеен, то следует взять по возможности самый широкий временной срез – не зря исследователи включают людей разных поколений в изучение представлений граждан о ЕС [6]. Можно сказать, что мы рассматриваем внешнюю политику как общее для европейцев место, где разворачиваются и артикулируются специфичные для них культурные отношения; место общего виртуального опыта.

Распространенной проблемой обращение к культуре в анализе внешней политики и международных отношений является понимание культуры как постоянной⁵. В самом общем виде такой постоянной в нашем случае выступает «идея единой Европы как особого типа цивилизации, основанной на культурном наследстве греко-римской античности, христианской этике, гуманистических традициях эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения, принципах либерализма» [1, с. 42]. Понятно, что на таком уровне абстракции сложно определить, что в культурном плане имело самостоятельное относительно других факторов значение для формирования наднациональной субъектности, так как невозможно квалифицировать историчность этой субъектности – европейская цивилизация существовала неопределенно долго до интеграции, была свидетелем глубоко дезинтегративных процессов, поэтому неочевидно, что тогда стало условием возможности интеграции и тем более наднациональной внешней политики. Такое статичное понимание культуры присутствует как в научной мысли, так и политической. Шарль де Голль культурную общность европейцев мыслил так:

«Будучи все одной белой расы, с одними христианскими корнями и одним и тем же образом жизни, с незапамятных времен соединенные друг с другом бесчисленными связями в мысли, искусстве, науке, политике и торговле, было естественно [отметьте трансцендентальный момент и природную

необходимость, свойственные национальному мифу], что они должны были объединиться в целое, с его собственным характером и организацией по отношению к остальному миру» [10, р. 181].

Такая абстрактная точка зрения имеет вполне конкретный методологический недостаток: *qui nimium probat, nihil probat* – «кто слишком много доказывает, ничего не доказывает». Если какие-то коренные культурные черты и связи должны объяснять единение Европы, то не меньше они должны объяснять и кровавые войны между европейцами.

Мы попробуем дать более динамичное представление о культуре на основе методологических принципов, разработанных Мишелем Фуко в «Археологии знания» [12], – это строгий анализ дискурса, который подразумевает деантропологизацию исследования, то есть отказ от антропоморфных преемственностей, и достигаемую таким образом историзацию. Деантропологизация подразумевает, что надделение исторического процесса интенциональностью – методологическая ошибка, которая проистекает из проектируемого на исторический материал универсального и самотождественного сознания. Действительно, мы видим, что исходить в понимании наднациональной субъектности из того, что «Европа» более-менее всегда «хотела» объединиться, – непродуктивно. Второй пункт про историзацию означает работу с материалом как с чем-то, что имеет свое место и время, нежели как с чем-то относящимся к довлеющей над ним порождающей структуре; уникальное положение во времени и пространстве и означает для Фуко материальность [21, р. 114-115]. Национальный миф как раз можно представить как некую генетическую структуру, где кто-то кого-то обязательно порождает – обычно предки, но бывает так: «да здравствует Сталин, породивший нас для великой и счастливой жизни!» – восклицает героиня фильма «Падение Берлина» (1949 г., реж. Михаил Чиаурели). Историзация подразумевает рассмотрение таких высказываний как имеющих

⁵ Grove A. Culture and Foreign Policy. Oxford: Oxford Research Encyclopedia of International Studies, 2010. P. 3-4.

свое уникальное место в исторически конкретном дискурсе.

Наиболее непосредственным момент «наднационализации» кажется в характерных для XX века культурных формах: кино, телевидение, радио и фотография. На мультимедийном портале *CVCE* можно найти еще и карикатуры – сатирические зарисовки по значимым политическим событиям. Иными словами, это аудиовизуальные формы, которые имеют серьезный интегративный потенциал, потому что не требуют герменевтической подготовки, как в случае с письменной культурой. «[Р]адио позволило обойти печать и вызвать к жизни слуховую репрезентацию воображаемого сообщества там, куда едва ли пробивалось печатное слово», отмечал Бенедикт Андерсон по поводу национализма в середине XX века [4, p. 54, fn. 28]. В культурных исследованиях европеизации прослеживается эта линия воображаемых сообществ: «[р]умынский или чехословацкий слушатель радостно осознает, что на его/ее родном языке говорят где-то еще на континенте и что на него/нее направлен европейский интерес» [18, p. 4]. Этим же преимуществом перцептивной непосредственности обладает и телевидение. Геноцид евреев в Германии долго был табуированной темой, однако, показ в 1979 г. американского телесериала «Холокост» (реж. Марвин Чомски, 1978) – а это еще и подготовительные меры вроде пояснительных материалов к просмотру, вспомогательных материалов для преподавателей и специальных выпусков журналов [23, p. 87], – вывело эту тему в широкое обсуждение и массовую политику, открыв путь для совершенно иной международной субъектности⁶. Конечно, сами по себе радио

⁶ Мы рассматриваем субъектность, а не идентичность, по той причине, что субъектность может быть сложнее идентичности – она может быть, например, дуалистична и запутана, как это показано в фильме Ингмара Бергмана «Персона» (1966); национальная субъектность отлично уподобляется человеку, в архиве *CVCE* вы можете найти множество разных персонификаций государств-членов, которые иногда очень остроумно подчеркивают акторность отдельных национальных государств, и в этом смысле простая, монадице-

и телевидение как формы объясняют не все, потому что они есть везде, а наднациональная интеграция и тем более внешняя политика – нет. Требуется эмпирическая работа, чтобы определить историко-культурные условия наднациональной субъектности – это же должно решить проблему регрессивной историчности, о которой мы говорили в самом начале: культурная форма позволяет вывести внешнюю политику ЕС на должный уровень абстракции, а эмпирическая работа необходима чтобы укоренить размышления в материале истории. Здесь из краткости и наглядности будут представлены только результаты работы с кино как самой простой в исследовании формы – фильмы легко ищутся, обычно имеют дубляж или субтитры и не занимают при просмотре очень много времени. Отбирались фильмы, беспрепятственно принадлежащие европейской кинематографической традиции. Речь идет об итальянском неореализме, французской новой волне, немецком новом кино и вообще авторском кино послевоенной Европы. В обзоре результатов мы будем для методологического контраста по возможности стараться опираться на «сущностные черты европейской цивилизации».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если судить по кино, то христианские корни европейской субъектности были значительно повреждены войной. Еще сильнее удар по религии ощущается в рефлексии тоталитаризма, – например, фильм Лукино Висконти 1969 г. о деградации немецкого аристократического капитализма в годы национал-социализма прямо называется «Гибель богов» [La caduta degli dei (Götterdämmerung)], – однако предыдущие этому фильму десятилетия осмысляют христианст-

ская «идентичность» как понятие работает, но персонификация Европы – например, тот же мифологический мотив – не раскрывает европейской субъектности (такая персонификация имеет реферативное, но не эвристическое значение), видимо потому что наднациональная субъектность просто сложнее.

во именно в контексте войны. Даже геноцид евреев нюрнбернские процессы связывали с военными преступлениями, даже если на практике судили за них жестче [5, р. 256-258]. То, что преступления против евреев трактовались в Европе не через религиозный интерпретативный репетуар – например, фильм «Ночь и туман» Алена Рене (1956) вполне документален и выстраивает нарративную структуру через изображение пространства, – говорит о том, что в европейской культуре христианство потеряло безусловную рефлексивную, субъектообразующую значимость и само должно было стать объектом рефлексии.

«Рим, открытый город» Роберто Росселлини (1945) показывает католического священника, помогающего скрывающемуся лидеру Сопротивления – это личный выбор священника, который «оживляет» религиозную догму своим собственным поведением, тогда как по заявлению руководителя гестапо этот лидер сопротивления как атеист является врагом общества и религии. Это важно для европейской субъектности, потому что бросает вызов генетической необходимости, создаваемой национальным мифом («мы делаем так, как делали наши предки»). «Почему мы так уверены, что не заслуживаем этой кары? Уверены ли мы, что всегда жили по законам Господа? Никто не думает о том, чтобы изменить свою жизнь, раскаяться <...> Да, Господь смилуется над нами, но нам так за многое следует просить прощения, и поэтому мы должны молиться и сами многое прощать». Субъектообразующим элементом здесь является ответственность, направленная и на «своих», и на других, что не позволяет полностью экстернализовать ответственность за войну. Также, обратите внимание, что это не проповедь, а неореалистский фильм, и на слова священника его собеседница в довольно естественной манере отвечает: «Вы правы, но как же простить? Я вижу этих ребят [в кадре фашистский патруль] и мне хочется набить им морду». Священник самозабвенно соглашается, хотя тут же одергивает себя. Очень характерно, что

неореалистская форма позволяет не только выразить нравственный посыл, но и прорефлексировать соответствующий конфликт, чего может не хватать, например, политическому манифесту.

В свою очередь не затронутые напрямую войной францисканские монахи показаны в «Пайза» Росселлини (1946) как полностью оторванные от действительности – хотя прибывший к ним американский капеллан, обратившийся к ним в нарушение устоявшихся правил за ужином, благодарит их именно за то, что помогли ему обрести духовное спокойствие после событий войны. То есть католицизм сам по себе, как он здесь персонафицирован в этих монахах, не складывается в субъектность, но может служить ей вдохновением. По этому же пути идет оказавшийся в тюрьме участник Сопротивления в фильме Робера Брессона «Приговоренный к смерти бежал, или Дух веет, где хочет» (1956): он выбирает бороться и *поэтому* находит вдохновение в божественном, даже когда его товарищи по тюрьме – среди них натурально пастор, – начинают терять веру в его побег. Обращение к вере действительно стало мобилизующим элементом европеизма. Самым верным сторонником ЕОС во Франции, где проект в конечном счете провалился, до конца оставалось Народно-республиканское движение (*Mouvement Républicain Populaire*) [11, р. 34], происходящее как раз от католического Сопротивления.

Вместе с тем еврофедерализм – проект более левых сил, с которыми у католиков есть противоречия. Это хорошо видно в фильме Витторио де Сика «Чочара» (1960). Интеллектуал Микеле, придерживающийся антифашистских взглядов и выступающий резко против войны, высмеивает образование набожной девочки Розетты, полученное в монастырской школе. На замечание матери Розетты о том, что школа эта лучшая в Риме и стоит безумных денег, Микеле усмешливо отвечает, что в Италии чем больше денег, тем ближе к церкви. В этом можно углядеть запрос на наднациональное. Обратимся к более раннему историческому документу, про-

исходящему от итальянского антифашистского Сопротивления, – манифесту Вентотене (1941). «Соглашения, закрепившие в Италии союз Ватикана с фашизмом, совершенно точно должны быть отменены в пользу того, чтобы утвердить полностью светский характер государства и определить безусловное верховенство государства во всех гражданских делах», «<...> прямо сейчас необходимо заложить фундамент для нового организма, который станет величайшим и самым передовым творением в Европе за последние века; с тем, чтобы создать устойчивое федеральное государство, у которого в распоряжении вместо национальных армий будут европейские вооруженные силы <...>»⁷. Говоря абстрактно, мы видим выкованное войной порывание с прошлым, которое является одним из условий европейской субъектности. Но если снизить уровень абстракции, то фильм «Чочара» позволяет отрефлексировать стоящий за этим вполне житейский конфликт, расположенный в конкретных исторических обстоятельствах – это позволяет говорить о некоем общем виртуальном опыте европейцев, формой которого впоследствии и станет наднациональная внешняя политика.

Опыт сопротивления и его рефлексия имеют решающее значение. «Возвращение» в Европу стран центральной и восточной ее части брало точкой отсчета для интеграции более глубокую историю – посмотрите на опыт сопротивления в фильмах Анджея Вайды «Канал» (1957) и «Пепел и алмаз» (1958): в первом фильме группа польских бойцов отступает в совершенно безнадежных условиях через канализацию под конец неудачного Варшавского восстания (1944), во втором – прошедший через эти канализации молодой боец Армии Крайовой теперь ведет весьма противоречивую борьбу с новыми коммунистическими властями. Испортив зрение за время пребывания под землей, этот молодой человек носит темные очки «в па-

мять о неразделенной любви к родине». Западное европейское сопротивление боролось и возымело серьезный политический вес, здесь же к власти приходят другие люди. Эти другие люди полностью экстернализируются, и поэтому субъектообразование не будет иметь трансформативного элемента в западноевропейском смысле – заметьте, «возвращение» в Европу, а не становление ею. Для наднациональной субъектности это прямой вызов, так как она исторична и подразумевает как раз становление – священник дон Пьетро из открытого города Рима не может быть европейцем только потому что он католик или итальянец, его европейскость извлекается из того, как он поступает. Религиозная тема в фильме «Пепел и алмаз» раскрывает отчаяние и потерянность: каналы как метафора ада, рабочий расстрелян на пороге церкви, распятие – символ жертвенности и спасения, – перевернуто. Опять же, это показывает христианские корни наднациональной субъектности проходящими сквозь толщу конкретных исторических обстоятельств: сопротивление на Западе смогло мобилизовать опыт войны ради нового и нашло в христианстве своего союзника, в то время как сопротивление в восточноевропейских странах стало символом потерянного старого, к которому должно вернуться, соответственно и христианство приобретает, прежде всего, символическую и консервативную роль.

Невозможно обойти стороной в становлении европейской внешней политики и США. Сразу после войны американское присутствие осмысливается как непосредственная данность: в том же «Пайза» (*paisà*, то есть земляк, – так друг к другу обращались американские и итальянские служащие) американские солдаты пытаются найти общий язык с местными для продвижения по местности в одном эпизоде, в другом – осиротевший мальчик Паскаль с энтузиазмом слушает пьяные истории солдата Джо, ворует у него ботинки, когда тот заснул; другой пьяный солдат не узнает в проститутке свою возлюбленную, которую он повстречал полгода назад; своего возлюбленного ищет американ-

⁷ CVCE. Il Manifesto di Ventotene (1941). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/316aa96c-e7ff-4b9e-b43a-958e96afbcecc/publishable_it.pdf (accesso: 14.02.2023). P. 8, 10.

ская медсестра среди участвующих в боях за Флоренцию итальянских партизан; про капелланов речь уже шла – здесь, наверное, самое плотное культурное соприкосновение; последний эпизод повествует о боевом опыте горстки американских разведчиков, итальянских партизан и двух сбитых британских летчиков, где показано, что партизаны имели для врага статус бесправных преступников, тогда как иностранные солдаты пользовались защитой международного права. В фильме Де Сика «Шуша» (1946; шуша – итал. *sciuscìa*, искаженное англ. *shoeshine*, то есть чистильщик обуви) американцы являются в чем-то привилегированной и отчужденной, но в принципе нормальной частью жизни города – главные герои чистят им за деньги ботинки, один из них угощает детей шоколадом. Чуть позже в «Чочаре» (1960) противоречий больше: авиация союзников бомбит Рим, американцы идут плотным строем с песней по отбитой у противника Чочарии, итальянцы рады их видеть, кто-то из солдат просит одну из главных героинь показать ему для фотографии свои ноги, другие бросают голодным людям еду; в другой раз, на возмущение явно оказавшейся в беде главной героини пытаются успокоить, потом крутят у виска пальцем и проезжают мимо. В фильме «В Риме была ночь» (1960, реж. Роберто Росселлини) саморазрешение сюжета зависит от наступления американцев и союзников, однако единственный американец, находящийся в центре сюжета, является решительно самым нехаризматичным из главных героев, хотя и не злодеем. У Алена Рене в «Хиросима, моя любовь» (1959) бескомпромиссно критикуется применение американцами ядерного оружия. Пока это все еще поколение войны, позже критиком американской политики и атлантизма будут молодые левые. «Мы призываем: вон из НАТО <...>», – скажет в беседе с Гюнтером Гаусом один из лидеров студенческих протестов Руди Дучке (rbb, n. d. [1967]), анимируя изоморфный для европейской молодежи виртуальный опыт. Может европейцы в чем-то и противопоставляли себя Востоку [16], одна-

ко, культурная автономия, данная на откуп национальному сообществу в обмен на интеграцию государственных функций [21, р. 113-114], в пространственном плане формировалась скорее относительно Америки.

В темпоральной плоскости для наднациональной субъектности важно отношение к просвещенческой традиции. Первыми критиками проекта Просвещения не на романтических началах были Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер с их опубликованной в 1947 г. «Диалектикой просвещения» [13]. Эти размышления отталкивались от опыта национал-социализма и войны. Столкнувшись с радикальным суеверным страхом этих лет, с истерией поиска человеком объективного, они отмечали, что «миф – это уже просвещение, и: просвещение проваливается назад в миф» [13, S. 21]. Нарушается понимание истории как кумулятивного факта, появляется критика присущей прогрессу регрессивной динамики: «безумие оно как ум, знаешь; ровно как и ум, его не объяснить; оно сваливается сверху, заполняет тебя и потом становится понятным; но когда оно тебя покидает, то понятным быть совершенно перестает», говоря словами героини фильма «Хиросима, любовь моя». Появляется почти невозможная ранее онтологическая неопределенность, показанная в кино: это и полностью потерянный, лишенный каких-либо гарантий мир «Похитителей велосипедов» (Витторио де Сика, 1948), и недописанная трагедия «Умберто Д.» (Витторио де Сика, 1952), и даже постоянно и прямолинейно нарастающая сюжетная линия «На последнем дыхании» (Жан-Люк Годар, 1960) упирается в торжество неопределенности и абсурда; «400 ударов» (Франсуа Трюффо, 1959) доводит кинематографический опыт до созерцания неопределенности в одном отдельном моменте – киногерой обращается прямо к зрителю, оставляя последнему возможность дать фильму завершение. Почему это важно для наднациональной субъектности? Преодоление национального мифа требует преодоления конвенционального, когда можно договориться о том, чего может не быть в договоре – это

формула «х больше суммы своих частей», историко-культурным условием которой является неопределенность. Об этом как о «возможности подставить на место соглашения о целях такое движение, которое само по себе будет целью», писал Стенли Хоффман, утверждая, однако, что в сфере внешней политики такое невозможно (Hoffmann, 1966: 883). В просвещенческой парадигме это действительно невозможно, потому что бытие там со времен Парменида определено – отсюда и поиск вечных истин, которые должны быть, коль все остальное уже есть; отсюда и национальный интерес, знание о котором всегда основывается на его мифологическом уже-бытии. В этом узком смысле можно согласиться с Робертом Купером, что Европейский Союз – постмодерный проект [8].

Наконец, какое место в таком проекте находит древнее наследие? В современном ЕС кто-то ищет путь «между Сциллой изолиционизма и Харибдой грубого интервенционизма»⁸, кто-то напоминает, что «в конце концов, Европа – это женщина»⁹, помнят Фукидида¹⁰, таких же римских отсылок меньше – вспоминается разве что призыв британского политика Дэниэла Хэннана: «*Pactio Olisipiensis censenda est*», то есть назначить референдум по Лиссабонскому договору – обыгрывает призыв Марка Порция Катона уничтожить Карфаген. Все это просто язык европейской культуры, и точно так же как язык сам по себе не объединяет людей, так и эти отсылки не являются значи-

мыми для формирования субъектности. В кинематографе предыдущих десятилетий мы видим точно такое же обращение к греко-римскому прошлому как языку и общепонятному фону, даже если и не нейтральному: одна из героинь «Персоны» играет в своем последнем спектакле Электру, и это имеет вполне доступное символическое и интерпретативное значение (см. [3]), а в фильме-антологии «Германия осенью» (реж. Альф Бруштеллин и др., 1978) программный совет обсуждает в контексте террористической деятельности Фракции красной армии телепоказ «Антигоны», трагедии Софокла, затрагивающей тему сопротивления власти. Кажется, что истоки наднациональной субъектности находятся не в глубокой древности, а в коллективной рефлексии опыта войны.

ВЫВОДЫ

Историчность европейской внешней политики означает сложную, многосоставную субъектность. Известно, что «европейская идентичность может означать разные вещи для разных людей» [19, р. 296] и связь между национальной и наднациональной субъектностью нелинейна: например, евроскептики могут быть в разной степени евроскептиками в зависимости от национального дискурса, то есть два разных человека могут быть одинаково националистами, но неодинаково евроскептиками, при этом определенную роль играет и наднациональный дискурс, хотя бы потому, что это самостоятельное пространство, где, например, зеленые успешнее на выборах, чем в государствах-членах. Из того, что было проанализировано в работе, ясно, что какой-то изоморфный опыт в разных европейских странах есть – например, рефлексия Второй мировой войны как трансформативного момента, – и через кино он обуславливает европейскую субъектность. Причем здесь разумно ожидать динамику, обусловленную различиями в национальном опыте: например, переход от «приципиального прагматизма» в более деонтологических оттенках субъектности к жесткой экстернали-

⁸ EEAS [European External Action Service]. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [2016]. P. 16. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (accessed: 01.03.2022).

⁹ Reuters. EU's Tusk says of top jobs deal: 'After all, Europe is a woman' [2019, July 2]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-summit-deal-tusk-idUSKCN1TX-2GF> (accessed 01.02.2023).

¹⁰ European Commission. Speech by Commissioner Gentiloni hosted by the University of Oxford: Turning point: the implications of Putin's war for Europe's economic and political choices [2022, March 22]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_22_1969 (accessed: 01.02.2023).

зации Другого, к которой более привычна восточная часть интеграционного проекта. Вместе с тем, что-то хотя и является общим наследием, как например греко-римское прошлое, не является при этом условием субъектности. Есть широко обсуждаемое мнение, что неравномерное политическое развитие ЕС можно атрибутировать отсутствию серьезных угроз в сфере безопасности – проще говоря, отсутствию войны [15], – однако кино может показать как не война сама по себе, но ее рефлексия в трансформативном ключе является как раз *условием возможности* самого сложного достижения политической интеграции – общей внешней политики. Европейская идея и различные интеллектуальные традиции эту трансформацию ни показать, ни объяснить не могут.

Работа с культурным материалом может показать, как ЕС удается поддерживать необходимую для субъектности непрерывность и преодолевать строгую дискретность. Кинематограф позволяет увидеть необходимый сплав претендующего на безвременье национального мифа с трансформативной рефлексией конкретного исторического опыта, остающейся для мифа хронологические, то есть не трансцендентальные, точки отсчета. Кино может показывать совершенно вымышленную и даже сюрреалистичную историю, как, например, в фильме Луиса Буньюэля «Скромное обаяние буржуазии» (1972), которая при этом не просто не оторвана от конкретных историко-культурных условий, но и «оголяет» эти условия самым непосредственным образом. Так как фильм является одновременно уникальным срезом действи-

тельности и предельно непосредственным способом понимать эту действительность, мы можем воспринимать его как некоторое решение заявленной в начале проблемы отсутствия в постструктурализме какого-то методологического гаранта объективной работы с историческим материалом – это, конечно, базовая предпосылка археологии знания Фуко, что высказывание занимает в дискурсе уникальное положение и при этом составлено по правилам, определяющим весь дискурс как таковой; аудиовизуальные формы высказывания следует выделить отдельно за их прямой чувственный контакт.

В литературе по внешней политике ЕС есть устойчивое мнение, что наднациональное в этой области проявляется не столько в формальных параметрах, согласно которым это, прежде всего, межгосударственное сотрудничество, сколько в социальном измерении работы дипломатов [9; 14; 17; cf. 7]: не принято идти вразрез с общим мнением, есть *espritducorps*, и в этом смысле европейское во внешней политике ЕС можно понимать как определенную чувственную установку в рамках общего виртуального опыта, нежели как некую умозрительную конструкцию, а выводить отсюда наднациональность европейской внешней политики на более абстрактный уровень следует не в сторону европейской идеи, а скорее к европейскому сентименту – похоже, именно он, будучи возделываемым характерными для XX века культурными формами, обеспечивает стабильность субъектности во времени, ее непрерывность в бурном течении событий XX века.

Список источников

1. Гудалов Н.Н. (Ир-)рациональность и этический релятивизм в реалистической и постпозитивистской парадигмах международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. № 2. С. 186-197. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.207>, <https://elibrary.ru/zrcofl>
2. Wight M. Why is there no International Theory? // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 37-54.
3. Smith K.E., Hill C. European Foreign Policy: Key Documents. London; New York: Routledge, 2000. 477 p.

4. *Beaudonnet L., Belot C., Caune H., Houde A.-M., Pennetreau D.* Narrating Europe: (Re-)constructed and Contested Visions of the European Project in Citizens' Discourse // *Journal of Common Market Studies*. 2023. Vol. 61. № 1. P. 161-178. <https://doi.org/10.1111/jcms.13364>
5. *Борко Ю.А.* От европейской идеи – к единой Европе. М.: Дел. лит., 2003. 464 с. <https://elibrary.ru/tmejhn>
6. *De Gaulle C.* Mémoires d'espoir: en 3 t. T. 1: Le Renouveau 1958–1962. P.: Plon, 1970. 537 p.
7. *Foucault M.* L'Archéologie du savoir. P.: Gallimard, 1969. 294 p.
8. *Waever O.* European Security Identities // *Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. № 1. P. 103-132. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x>
9. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2006. 240 p.
10. *Parvulescu C., Turcus C.* Devices of Cultural Europeanization // *Studies in Eastern European Cinema*. 2018. Vol. 9. № 1. P. 3-14. <https://doi.org/10.1080/2040350X.2017.1421739>
11. *Zielinsky S., Custance G.* History as Entertainment and Provocation: The TV Series “Holocaust” in West Germany // *New German Critique*. 1980. № 19. P. 81-96. <https://doi.org/10.2307/487973>
12. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Revised and Enlarged Edition. N. Y.: Penguin Books, 2006. 312 p.
13. *Duke S.* The Elusive Quest for European Security: From EDC to CFSP. Basingstoke: Macmillan Press, 2000. 434 p.
14. *Neumann I.B.* Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 304 p.
15. *Horkheimer M., Adorno T.W.* Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente // Horkheimer M. *Gesammelte Schriften*: in 19 Bänden. Band 5: Dialektik der Aufklärung und Schriften 1940–1950. Frankfurt a/M.: S. Fischer Verlag, 1987. 462 S.
16. *Cooper R.* The Post-Modern State and the World Order. L.: Demos, 1996. 50 p.
17. *Кобленкова Д.В.* «Женские» мифы в шведской литературе и кинематографе. «Персона» И. Бергмана и «Электра. Женщина 2070 года» И. Лу-Юханссона // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 2-1. С. 393-399. <https://elibrary.ru/sibwpp>
18. *Risse T.* Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 12. № 2. P. 291-309. <https://doi.org/10.1080/13501760500044033>
19. *Kelemen R.D., McNamara K.R.* State-building and the European Union: Markets, War, and Europe's Uneven Political Development // *Comparative Political Studies*. 2022. Vol. 55. № 6. P. 963-991. <https://doi.org/10.1177/00104140211047393>
20. *Davis Cross M.K.* Security Integration in Europe: How Knowledge-based Networks are Transforming the European Union. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 292 p. <http://dx.doi.org/10.3998/mpub.3250714>
21. *Howorth J.* Decision-making in security and defense policy: Towards supranational intergovernmentalism? // *Cooperation and Conflict*. 2012. Vol. 47. № 4. P. 433-453.
22. *Øhrgaard J.C.* International relations or European integration: is the CFSP *sui generis*? // *Rethinking European Union foreign policy*. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 26-44.
23. *Chelotti N.* Transgovernmental networks and rationalist outputs? The partial social construction of EU foreign policy // *European Security*. 2016. Vol. 25. № 4. P. 524-541. <https://doi.org/10.1080/09662839.2016.1236791>

References

1. Gudalov N.N. (2017). (Ir-)rationality and ethical relativism in realist and postpositivist international relations paradigms. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, vol. 10, no. 2, pp. 186-197. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.207>, <https://elibrary.ru/zrcofl>
2. Wight M. (2019). Why is there no International Theory? *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. Oxford, Oxford University Press, pp. 37-54.
3. Smith K.E., Hill C. (2000). *European Foreign Policy: Key Documents*. London, New York, 477 p.

4. Beaudonnet L., Belot C., Caune H., Houde A.-M., Pennetreau D. (2023). Narrating Europe: (Re-)constructed and Contested Visions of the European Project in Citizens' Discourse. *Journal of Common Market Studies*, vol. 61, no. 1, pp. 161-178. <https://doi.org/10.1111/jcms.13364>
5. Borko Yu.A. (2003). *Ot evropeiskoi idei – k edinoi Evrope* [From European Idea to United Europe]. Moscow, Delovaya literatura Publ., 464 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmejhn>
6. De Gaulle C. (1970). *Mémoires d'espoir: en 3 t. T. 1: Le Renouveau 1958–1962*. Paris, Plon Publ., 537 p. (In Fra.)
7. Foucault M. (1969). *L'Archéologie du savoir*. Paris, Gallimard Publ., 294 p. (In Fra.)
8. Waever O. (1996). European Security Identities. *Journal of Common Market Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 103-132. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00562.x>
9. Anderson B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York, Verso Publ, 240 p.
10. Parvulescu C., Turcus C. (2018). Devices of Cultural Europeanization. *Studies in Eastern European Cinema*, vol. 9, no. 1, pp. 3-14. <https://doi.org/10.1080/2040350X.2017.1421739>
11. Zielinsky S., Custance G. (1980). History as Entertainment and Provocation: The TV Series "Holocaust" in West Germany. *New German Critique*, no. 19, pp. 81-96. <https://doi.org/10.2307/487973>
12. Arendt H. (2006). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. Revised and Enlarged Edition. New York, Penguin Books Publ., 312 p.
13. Duke S. (2000). *The Elusive Quest for European Security: From EDC to CFSP*. Basingstoke, Macmillan Press, 434 p.
14. Neumann I.B. (1999). *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 304 p.
15. Horkheimer M., Adorno T.W. (1987). Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente. In: Horkheimer M. *Gesammelte Schriften: in 19 Bänden. Band 5: Dialektik der Aufklärung und Schriften 1940–1950*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 462 S. (In Ger.)
16. Cooper R. (1996). *The Post-Modern State and the World Order*. London, Demos Publ., 50 p.
17. Koblenkova D.V. (2014). "Female" myths in Swedish literature and cinema. "Persona" by I. Bergman and "Elektra. Woman of the year 2070" by I. Lo-Johansson. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 2-1, pp. 393-399. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sibwpp>
18. Risse T. (2006). Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration. *Journal of European Public Policy*, vol. 12, no. 2, pp. 291-309. <https://doi.org/10.1080/13501760500044033>
19. Kelemen R.D., McNamara K.R. (2022). State-building and the European Union: Markets, War, and Europe's Uneven Political Development. *Comparative Political Studies*, vol. 55, no. 6, pp. 963-991. <https://doi.org/10.1177/00104140211047393>
20. Davis Cross M.K. (2011). *Security Integration in Europe: How Knowledge-based Networks are Transforming the European Union*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 292 p. <http://dx.doi.org/10.3998/mpub.3250714>
21. Howorth J. (2012). Decision-making in security and defense policy: Towards supranational intergovernmentalism? *Cooperation and Conflict*, vol. 47, no. 4, pp. 433-453.
22. Øhrgaard J.C. (2004). International relations or European integration: is the CFSP sui generis? *Rethinking European Union foreign policy*. Manchester, Manchester University Press, pp. 26-44.
23. Chelotti N. (2016). Transgovernmental networks and rationalist outputs? The partial social construction of EU foreign policy. *European Security*, vol. 25, no. 4, pp. 524-541. <https://doi.org/10.1080/09662839.2016.1236791>

Информация об авторе

Кузнецов-Брусникин Даниил Александрович, научный сотрудник Санкт-Петербургского Центра превосходства им. Жана Монне, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0009-0005-9027-9707>
kuznetsov7daniel@gmail.com

Поступила в редакцию 17.04.2023
Поступила после рецензирования 30.06.2023
Принята к публикации 08.09.2023

Information about the author

Daniil A. Kuznetsov-Brusnikin, Research Scholar of Jean Monnet Centre of Excellence, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0009-0005-9027-9707>
kuznetsov7daniel@gmail.com

Received 17.04.2023
Revised 30.06.2023
Accepted 08.09.2023